
РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

ПРОЦЕССЫ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ: ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РОССИИ

Мищенко Я. В.*

Статья анализирует актуальные тенденции азиатско-тихоокеанской интеграции, которые России необходимо учитывать в выстраивании своей стратегии сотрудничества со странами региона. Рассматривается фактор декаплинга в регионе, который может заключать в себе риск создания в будущем «двухосевой Азии», деления стран региона на «американоцентричные» и «китаецентричные». Это тенденции, которые даже могут быть признаками дезинтеграции в АТР. Не являясь движущей силой региональных интеграционных процессов, Россия предпринимает попытки, с одной стороны, адаптироваться к этим процессам и тенденциям азиатско-тихоокеанской интеграции и регионализма, с другой стороны, обозначить нишу многостороннего сотрудничества, в которой она могла бы играть роль лидера, – это создание многосторонней коллективной системы безопасности.

Ключевые слова: Россия, Азиатско-Тихоокеанский регион, АСЕАН, США, Китай, интеграция, дезинтеграция, декаплинг.

INTEGRATION AND DISINTEGRATION PROCESSES IN ASIA PACIFIC: TASKS AND PROSPECTS FOR RUSSIA

The article analyzes the current trends of Asia-Pacific integration, which Russia needs to take into account in building its strategy of cooperation with the countries of the region. The factor of “decoupling” in the region is considered, which may involve the risk of creating a “two-axis Asia” in the future, dividing the countries of the region into “America-centric” and “China-centric”. These are trends that may even be signs of disintegration in the Asia-Pacific region. Not being the driving force of regional integration processes, Russia is trying, on the one hand, to adapt to these processes and trends of Asia-Pacific integration and regionalism, on the other hand, to identify a niche of multilateral cooperation in which it could

* Мищенко Яна Вадимовна – к. э. н., доцент МГУ имени М. В. Ломоносова, с. н. с. Института Дальнего Востока РАН. E-mail: yanamischenko@gmail.com.

Yana V. Mishchenko – Candidate of Economic Sciences., Associate Professor at Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Senior Research Fellow at the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. E-mail: yanamischenko@gmail.com.

play the role of a leader – this is the creation of a multilateral collective security system.

Keywords: *Russia, Asia-Pacific region, ASEAN, USA, China, integration, disintegration, decoupling.*

Введение

В условиях продолжающейся экономической глобализации, идентифицируя себя не только как европейскую, но и как азиатско-тихоокеанскую державу, Россия стоит перед задачей последовательной интеграции в Азиатско-Тихоокеанский регион. Углубление связей со странами АТР представляется целесообразным не только с точки зрения геополитической логики, но также с точки зрения актуальных задач экономического развития: дальневосточным регионам страны, расположенным в непосредственной географической близости от Восточной Азии, нужны новые стимулы модернизации и экономического роста, обрести которые они могут в том числе в более тесном взаимодействии с соседними азиатскими государствами [Minakir 2017]. Общие сухопутные и морские границы с некоторыми странами региона, необходимость общими усилиями решать проблемы трансграничной и региональной безопасности, стремление обрести статус мировой и тихоокеанской державы [Бобыло 2017] – все эти факторы подвигают современное российское руководство более последовательно стремиться к интеграции страны в АТР.

Цель данного исследования заключается в анализе современных особенностей и тенденций развития интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе в контексте перспектив участия в них России. *Основной исследовательский вопрос* сфокусирован на предположении, что обширное пространство АТР в настоящее время охвачено двумя по сути противоположными, разнонаправленными и противоречивыми процессами – **интеграцией, равно как и дезинтеграцией**, и этот фактор в известной степени усложняет возможности интеграции России в данном регионе. Учитывая, что некоторые другие государства региона, такие как Япония, страны АСЕАН, в этих же условиях получают дополнительные возможности более тесного и глубокого вовлечения в региональные интеграционные процессы, представляется интересным попытаться ответить на вопрос, почему России пока с относительным трудом удается реализовывать данные задачи в более или менее аналогичных условиях. Также предпринимается попытка выделить *эндогенные и экзогенные факторы*, которые обуславливают современное течение, возможности и пределы участия России в интеграционных процессах в АТР. Взаимосвязи, взаимозависимости и переплетения на пространстве региона как процессов регионализации и интеграции (что в последние годы проявилось в формате преференциальных торговых соглашений нового поколения, таких как Транстихоокеанское партнерство и Всестороннее региональное экономическое партнерство), так и некоторых тенденций дезинтеграции (в частности, наметившаяся ось противостояния Вашингтона и Пекина, что при неблагоприятном стечении обстоятельств может расколоть регион), можно рассматривать как **экзогенные факторы**, которые Москве необходимо учитывать при планировании стратегии интеграции на восточном направлении.

При подготовке исследования были использованы различные *методы* анализа, логического обобщения, была проведена работа с официальной документацией в качестве эмпирического метода. Вклад в *фактологическую базу* исследования внесли официальные материалы МИД РФ (Концепция внешней политики Российской Федерации от 2016 г.), Министерства экономического развития РФ (Внешеэкономическая стратегия РФ).

О факторах интереса Москвы к интеграции в АТР

Целесообразно отнести внутреннюю позицию Москвы по вопросам и задачам интеграции страны в АТР к числу *эндогенных факторов*, которые определяют параметры этих процессов в настоящее время. Поворот России на Восток отражен в ряде официальных документов. Так, в разделе «Региональные приоритеты внешней политики Российской Федерации» Концепции внешней политики Российской Федерации от 2016 г. отмечено, что «Россия заинтересована в активном участии в интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе, использовании его возможностей при реализации программ социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока, в создании в регионе всеобъемлющей, открытой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества на коллективных началах» [Концепция внешней политики РФ 2016]. *Внешеэкономическая стратегия Российской Федерации* заявляет о намерении «продолжить активное участие России в основных интеграционных структурах АТР, использовать возможности двустороннего и многостороннего регионального сотрудничества при реализации программ экономического подъема Сибири и Дальнего Востока» [Внешеэкономическая стратегия РФ до 2020 г.]. Однако реалии таковы, что только заинтересованности и желания России интегрироваться недостаточно. Экзогенные, внешние факторы также в немалой степени определяют возможности интеграции России в АТР. Интеграционные процессы в регионе имеют свои характерные особенности, логику развития, динамику, на которую оказывает воздействие множество факторов, внешних и внутренних, в том числе совпадение или, наоборот, конфликты и столкновения интересов ключевых стран региона. России необходимо учитывать общий контекст и логику развития современных интеграционных процессов в АТР, чтобы иметь возможность выбрать наиболее оптимальные и взаимовыгодные форматы многостороннего и двустороннего регионального взаимодействия.

Диалоговые форматы как традиционный способ развития интеграционных процессов в регионе

Регионализм и интеграция в АТР тесно взаимосвязаны, сосуществуют и развиваются параллельно много лет. Порой эти тенденции и процессы трудно отделить друг от друга, настолько тесно они укоренились и переплелись на пространстве региона. Именно тенденции регионализма зачастую определяют возникновение и развитие многих диалоговых форматов в регионе, которые впоследствии эволюционируют до уровня полномасштабной интеграции. Одно из самых стабильных в мире интеграционных объединений – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) – в XXI в. трансформируется в ядро интеграционных процессов в Восточной Азии. Отлаженная и эффективно действующая интегра-

ция внутри этого блока стала базисом для вовлечения в диалоговые форматы соседних государств. На этой основе сформированы такие различные форматы межрегионального взаимодействия, как «АСЕАН+1», «АСЕАН+3» и «АСЕАН+6» [Демина 2018]. Из последнего выделились *Восточноазиатские саммиты*, а затем на их основе и при активном участии Китая зародился трансграничный интеграционный проект нового поколения – Всестороннее региональное экономическое партнерство, ставящее амбициозную задачу сформировать на пространстве АСЕАН и стран, с которыми Ассоциация имеет соглашения о свободной торговле, масштабную и единую зону многосторонней преференциальной и свободной торговли.

С 1990-х гг. Россия налаживает диалог с АСЕАН, принимает участие в работе Регионального форума АСЕАН по вопросам безопасности. В 1996 г. Россия официально стала партнером по диалогу с АСЕАН [ASEAN... 2019], однако полноценного соглашения о свободной торговле у нашей страны с АСЕАН пока нет. Есть признаки унифицирования и институционализации подходов России к развитию сотрудничества со странами региона: так, некоммерческий Фонд сотрудничества АСЕАН – Россия, основанный по инициативе российского МИДа, с 1999 г. стал координатором и организатором постоянного участия РФ в форумах АСЕАН и АТЭС [Головченко, Манжоло 2014].

Подключение России к АТЭС – крупной межрегиональной диалоговой структуре – важно, так как способствует упрочнению позиций страны в формирующейся многополюсной архитектуре АТР. Это дает возможность проведения диалога с максимально широким составом стран региона АТР одновременно. Однако не совсем однозначным представляется вопрос, целесообразно ли считать АТЭС интеграционной структурой. Исходя из «Богорских целей», АТЭС стремится к обеспечению свободной и открытой торговли и инвестиционных обменов. С другой стороны, очевидно, что далеко не все страны АТЭС действительно однородно интегрированы. В частности, Россию и Китай весьма проблематично назвать интегрирующимися с США, несмотря на участие в АТЭС. Скорее, можно даже говорить о *дезинтеграции* между этими странами в последние годы. Нарастание противоречий между США и Китаем достигло такого уровня, что уместно применить термин «**декаплинг**» в контексте внешних экономических отношений этих государств, а это чревато не только взаимным экономическим отдалением друг от друга Вашингтона и Пекина [Weber 2020]. С точки зрения развития ситуации в АТР и влияния данных стран в регионе это может привести к риску создания так называемой «двухосевой Азии», выделению в регионе американоцентричного и китаеццентричного полюсов [An Emerging... 2020]. Такая траектория развития регионализма может привести к более масштабной дезинтеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Если в ближайшие годы ситуация будет развиваться именно по такому, в целом нежелательному для большинства стран региона сценарию, и Азия действительно будет приобретать очертания «двухосевой», очевидно, что Россия в своих попытках интегрироваться в регион будет ассоциировать себя в большей степени с группой «китаеццентричных государств» АТР – с учетом непростых отношений Москвы и Вашингтона сложно предполагать, что сочувствие и поддержка Москвы в данном противостоянии окажется не на стороне Пекина. С другой стороны, Россия является приверженцем многополюсной

архитектуры АТР и не заинтересована в возвращении форматов международных отношений времен холодной войны и биполярного разделения мира. К тому же Москва, развивая независимую и самостоятельную внешнюю политику, не стремится становиться ничьим сателлитом и приверженцем на международной или региональной арене. Однако, чтобы не произошло раскола и полной дезинтеграции в Азии, важно, чтобы аналогичные взгляды разделяли и другие государства региона.

Таким образом, оплотом интеграционных процессов в АТР до последнего времени остается блок АСЕАН, в рамках которого продолжают процессы формирования единого политического, экономического и социокультурного сообщества [Костюнина 2012] и на основе которого создаются новые диалоговые форматы. Со второй декады XXI в. Россия, наряду с США, стала участвовать в Восточноазиатских саммитах (ВАС). В этом формате Москва инициировала обсуждение своего видения всеобъемлющей региональной безопасности, в основе которой должны лежать внеблоковые подходы и коллективные интересы. ВАС, с точки зрения Москвы, могли бы стать дополнительным инструментом для совместного решения различных внутрирегиональных проблем в этой области, таких как безъядерный статус Корейского полуострова, проблема ядерного нераспространения, территориальные споры в Восточно- и Южно-Китайском море, противодействие пиратству [Ткаченко 2014]. Примечательно, что эти вопросы, которые должны способствовать снижению конфликтного потенциала в регионе, прямо не затрагивают национальных интересов Российской Федерации, ни в одну из этих проблем Россия не вовлечена непосредственно. В этом есть свои преимущества, которые подразумевают определенную степень нейтралитета Москвы при выработке позиции по отношению к той или иной проблеме, возможность избежать прямых конфронтаций и столкновения интересов с другими государствами региона, в который наша страна поставила цель интегрироваться. Однако с другой стороны, ввиду именно некоторой отстраненности России от самых острых и насущных проблем в регионе и неучастия в них непосредственно, ввиду того, что приоритетной задачей России в сотрудничестве со странами региона остается привлечение внешних ресурсов для более интенсивного развития Сибири и Дальнего Востока, наша страна пока не может полноценно влиять на многие аспекты интеграционных процессов в АТР и определять их течение и характер. Вероятно, это тот фактор, который в числе прочих некоторым образом тормозит более динамичное и полноценное вовлечение России в набирающие обороты процессы региональной интеграции. Подход России осторожный, и возможно, по этой причине не слишком амбициозный – она не ставит задачу быть одной из движущих сил, направляющих ход интеграционных процессов в регионе, каковыми являются, например, Япония, Китай, страны АСЕАН, а также США.

Целесообразно поставить вопрос, каковы причины этой несколько пассивной роли России относительно интеграционных процессов в АТР и что наша страна может предложить азиатским партнерам, чтобы активизировать свое участие. Ключевое взаимовыгодное направление экономического сотрудничества – энергетика. Япония, Китай, Южная Корея являются импортерами российских углеводородов. Из числа стран АСЕАН наиболее устойчивые связи в области энергетики еще с советских времен налажены с Вьетнамом, причем они включают не

только торговлю ископаемым топливом, но и сотрудничество в области энергетического машиностроения и технологический обмен. Это дает возможность России трансформировать нишу поставщика энергоресурсов, которую она занимает в глобальной энергетике, и выступать в роли экспортера высокотехнологичной продукции энергомашиностроения. В целом в сфере энергетике интересы России и ряда стран Восточной Азии весьма комплементарны [Мищенко 2020а]. Однако следует признать, что пока интенсивное сотрудничество в энергетике не привело к комплексному усилению роли и участия России в региональных интеграционных процессах.

Сфера безопасности как перспективная ниша более тесной интеграции России в АТР

Важная сфера, которой Россия обозначила свою готовность заниматься в региональном срезе, – это безопасность. Существующую систему безопасности в АТР вряд ли на сегодняшний день можно считать комплексной, так как она по-прежнему зиждется во многом на системе договоров о безопасности США с отдельными странами – партнерами в регионе (с Японией, Южной Кореей, Тайванем, Филиппинами, «Тихоокеанский пакт безопасности» с Австралией и Новой Зеландией [Security... 1951]) и на практике размещения американских военных баз в АТР [Rudd 2016]. Созданный в сентябре 2021 г. новый военно-стратегический альянс США, Великобритании и Австралии насторожил не только Париж, но и Пекин, однако сформирован он в духе традиционного участия Вашингтона, пусть на этот раз не в двустороннем, а в трехстороннем формате договора о региональной безопасности [Borger, Sabbagh 2021].

В целях существенного расширения, модернизации и актуализации системы региональной безопасности Россия уже неоднократно предлагала странам региона разработать более всесторонний и комплексный подход к этой сфере. Так, в 2010 г. на втором саммите Россия – АСЕАН в Ханое сторонам удалось унифицировать подходы к проблеме совершенствования и расширения системы безопасности в АТР, сойдясь во мнении, что она должна базироваться на нормах международного права, принципе равенства, коллективности и многосторонности. Однако данная договоренность имела существенное ограничение: согласно ей, любые новые региональные механизмы сотрудничества и образования должны учитывать принцип «асеаноцентричности» [Локшин 2013]. Учитывая, что торгово-экономические связи России более динамично развиваются со странами Северо-Восточной Азии, при всей важности диалога Россия – АСЕАН, в целях интеграции России в регионе вряд ли следует делать ставку исключительно на «асеаноцентричность» и «асеано направленность» вовлечения России в широкий спектр внутрорегиональных процессов.

Так или иначе, Россия смогла четко обозначить свое видение развития сферы безопасности в Азии и сформулировать, какой вклад она может внести в создание и поддержание этой системы. Вопрос о востребованности этих предложений пока остается открытым, так как США по-прежнему имеют в регионе значительные интересы и сохранение их максимально активной роли в отдельных форматах безопасности выгодно для них геополитически. Россия вместе с Китаем ищет новые механизмы и инструменты реализации своих идей. Одним из наиболее зна-

чимых среди таких механизмов стала Шанхайская организация сотрудничества, которая играет все более важную роль в активизации России на восточном направлении. При создании целями ШОС были заявлены противодействие угрозам безопасности на границах государств-участников, борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на пространстве Центральной Азии. Россия и КНР стали фактически лидерами этой организации, причем Россия – локомотивом в продвижении вопросов обеспечения безопасности. ШОС функционирует эффективно и регулярно расширяется. Некогда «Шанхайская пятерка» в составе России, Китая, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, ШОС стала полноценной международной организацией и приросла в числе участников Индией, Пакистаном, Узбекистаном, более обширно охватив регионы Центральной Азии и Южную Азию [Lanteigne 2018]. Государствами-наблюдателями при ШОС являются Афганистан, Иран, Монголия и Белоруссия, партнеры по диалогу с ШОС – Турция, Шри-Ланка, Азербайджан, Камбоджа и Непал [Shanghai...]. В том числе благодаря деятельности ШОС самые мрачные предположения, которые делались относительно нестабильности этого региона, оказалось под силу смягчить и нивелировать. В 1990-е гг. Збигнев Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска» назвал его «Евразийскими Балканами», проводя аналогию со знакомым со времен ситуации в Юго-Восточной Европе сочетанием «вакуума силы и всасывания силы» [Brzezinski 1997: 123–124]. Механизм ШОС в этом сложном регионе показал возможности России в регулировании и смягчении остроты проблем региональной и трансграничной безопасности, умение выстраивать конструктивный диалог и сотрудничество со всеми заинтересованными сторонами. Это дает основание предполагать, что и в более широком Азиатско-Тихоокеанском регионе Россия могла бы более активно предлагать действенные решения по имеющимся там проблемам безопасности. США и Япония предпринимают усилия, чтобы упрочить свои позиции в Центральной Азии, однако России и Китаю удается оставаться там ключевыми игроками, отстаивая свои геостратегические интересы. В последние годы Индия также предпочла всеобъемлюще участвовать в ШОС для продвижения интересов в этом регионе [Rumer et al. 2020]. Однако в АТР и Восточной Азии оттеснить США и Японию на периферию региональной политики, экономики и безопасности вряд ли представляется возможным и реалистичным. США намерены сохранять высокую активность в определении региональной политики в области безопасности и прочих сферах. Иная конфигурация сил в Восточной Азии и АТР пока определяет сравнительно низкую вовлеченность России в решение региональных проблем в области безопасности.

ТТП и ВРЭП как новые форматы региональной и трансрегиональной интеграции

В конце второй декады XXI в. странам Азиатско-Тихоокеанского региона удалось определить основные параметры и очертания интеграционных проектов нового времени. Они постепенно стали претворяться в жизнь в форме соглашений о преференциальной и свободной торговле – Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП). Оба блока имеют трансрегиональный характер, основаны на принципах «открытого регионализма», что делает возможным участие в проектах стран из разных регио-

нов и даже с разных континентов, имеют высокий потенциал влияния на региональную и международную экономическую структуры. И в обоих проектах не участвует Россия.

Транстихоокеанское партнерство стало одним из важнейших соглашений последнего времени в сфере экономики и геополитики. Планировалось, что оно заложит основу для создания в будущем всеобъемлющей Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли, которая может охватить все страны региона, включая Индию и Китай [Мищенко 2020б]. Однако не все участники разделяли это видение. В период лидерства в проекте Вашингтона ему стали приписывать «антикитайский» характер, так как Пекину вступить в него не предложили. России также не было предложено участвовать в ТТП (сейчас Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве), однако проект не рассматривается как «антироссийский». Но географическое и геополитическое положение России и Китая в регионе не совсем одинаково: если КНР находится в самом сердце Восточной Азии и АТР, то Россия может восприниматься страной, находящейся на периферии региона как в географическом, так и в геополитическом и экономическом измерении, а потому вовлечение ее в наиболее значимые и актуальные региональные инициативы может не восприниматься как необходимость.

В проекте ВРЭП Россия также не участвует, и на это пока сохраняются объективные причины: в проекте предполагается участие стран, у которых с АСЕАН заключено соглашение о свободной торговле [Ando Mitsuyo *et al.* 2019]. У России в составе ЕАЭС достигнуто соглашение о свободной торговле с Вьетнамом и Сингапуром, однако с блоком АСЕАН договора о свободной торговле нет. Поэтому Россия пока не имеет возможности примкнуть к ВРЭП, но есть ряд факторов, которые могли бы способствовать этому [Enkhbayar Shagdar, Nakajima Tomoyoshi 2018]. Помимо прямого сотрудничества, у АСЕАН есть косвенный мотив заинтересованности в развитии связей с Россией, которую он также может рассматривать как мост в Европу и к европейским рынкам [Report... 2017]. На проведенном на полях Петербургского международного экономического форума в июне 2021 г. бизнес-диалоге «ЕАЭС-АСЕАН» министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии Сергей Глазьев отметил, что «Ассоциация государств Юго-Восточной Азии является самым активным, перспективным и стратегически важным партнером из всех региональных структур, с которыми взаимодействует Евразийский экономический союз... Наши интеграционные объединения настолько зрелые и развитые, что мы готовы подумать о заключении преференциального торгового режима между ЕАЭС и АСЕАН» [ПМЭФ-2021].

Заключение

Подводя итог проведенного исследования, следует отметить, что интеграционные процессы в АТР развиваются быстро и динамично. Страны заключают новые соглашения, которые стимулируют интеграционные процессы, формируют новые блоки, интеграция выходит на качественно новый уровень. Трансрегиональный характер современной азиатско-тихоокеанской интеграции гипотетически открывает новые возможности для участия в ней России. Однако на практике интеграционная вовлеченность нашей страны в азиатское пространство пока

остаётся весьма ограниченной. Хотя Россия заявляет о готовности к интеграции, основной задачей ее участия в этих процессах видится увеличение притока инвестиций в регионы Дальнего Востока и Сибири, а также наращивание объемов торговли с крупнейшими экономиками Восточной Азии. Концентрация преимущественно на своих интересах и задачах внутреннего развития за счет интеграции не позволяет России стать одним из ведущих драйверов и лидеров региональной интеграции, оставляет страну некоторым образом на периферии этих процессов. С другой стороны, Россия обозначила нишу, в которой могла бы внести вклад в развитие региональных процессов сближения и сотрудничества между странами – это создание новой, отвечающей задачам и духу времени системы многосторонней коллективной безопасности в Азии. Однако пока ведущие страны региона не проявили готовности дать возможность Москве активизироваться в этой нише, в немалой степени ввиду амбиций США относительно поддержания своей региональной гегемонии. Это пример того, как внешние факторы могут накладывать определенные ограничения на параметры участия России в региональном сотрудничестве.

Вместе с тем России в минувшие десятилетия все-таки удалось создать эффективно действующий международный механизм, позволяющий совершенствовать систему региональной безопасности, а нашей стране – участвовать в институционализации и управлении этими процессами. ШОС являет собой успешный пример того, как Россия может справляться с подобными задачами.

Также важным фактором, определяющим логику и тенденции развития современных интеграционных процессов в АТР, является сочетание признаков как интеграции, так и дезинтеграции в регионе. Эту особенность и тенденцию России следует учитывать при планировании форматов своего вовлечения в региональные интеграционные процессы. Трения между США и КНР в последние годы могут быть охарактеризованы как декаплинг, отдаление между этими странами. Если эти тенденции будут продолжаться и усиливаться, это в будущем может привести к формированию «двухосевой» Азии, в которой будет происходить борьба за влияние и позиции гегемона между Вашингтоном и Пекином. Исходя из нынешних довольно натянутых отношений России с США, логично ожидать, что Москва, скорее, солидаризируется с Пекином. Однако при этом Москва является поборником создания в регионе многополярной, а не биполярной или однополярной системы международных отношений, и такой расклад был бы нежелателен для большинства стран АТР.

Интеграционные процессы в АТР не остановились даже в пандемийный год – 15 ноября 2020 г. было подписано соглашение о создании ВРЭП. В России понимают высокую скорость и динамизм интеграционных процессов в АТР и стараются уделять максимальное внимание расширению и углублению сотрудничества в Азии. Россия в составе Евразийского экономического союза заключила соглашение о свободной торговле с Вьетнамом и Сингапуром и ставит целью достичь договора о преференциальной и свободной торговле комплексно с АСЕАН. Это дало бы возможность не только стать участником Восточноазиатских саммитов, но присоединиться к проекту ВРЭП. Официальные лица ЕАЭС обозначают 2025 год как рубеж, когда можно было бы ожидать подобного развития.

Литература

- Бобыло А. М. Россия в интеграционных процессах Азиатско-Тихоокеанского региона: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] : Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2017. Т. 20. С. 42–50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-v-integratsionnyh-protsessah-aziatko-tihookeanskogo-regiona-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 20.06.2021).
- Внешнеэкономическая стратегия Российской Федерации до 2020 г. Министерство экономического развития РФ. 01.12.2008 [Электронный ресурс]. URL: economy.gov.ru (дата обращения: 15.06.2021).
- Головченко В. И., Манжол В. А. Диалоговое партнерство Российская Федерация – АСЕАН: уроки и перспективы // Россия и АТР. 2014. 2(84). С. 52–63.
- Демина Я. В. Экономическая интеграция стран Восточной Азии // Вестник Института экономики РАН. 2018. № 6. С. 181–194.
- Концепция внешней политики Российской Федерации. Министерство иностранных дел РФ (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.) 30.11.2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901 (дата обращения: 26.06.2021).
- Костюнина Г. М. АТЭС: институциональная структура, направления деятельности и достижения // Российский внешнеэкономический вестник. 2012. № 10. С. 33–46.
- Локшин Г. М. Политика России и проблемы региональной безопасности в ЮВА и АТР [Электронный ресурс] : Вьетнамские исследования. 2013. С. 79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-rossii-i-problemy-regionalnoy-bezopasnosti-v-yuva-i-atr> (дата обращения: 14.06.2021).
- Мищенко Я. В. Восточный вектор энергетической политики России // Энергетическая политика. 2020а. № 8. С. 42–51.
- Мищенко Я. В. Япония в региональной интеграции: вызовы, задачи и перспективы // Япония. Ежегодник. 2020б. Т. 49. С. 157–174.
- ПМЭФ-2021: Бизнес-диалог ЕАЭС-АСЕАН. Деловой форум Россия – АСЕАН, 03.06.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russia-asean.com/events/1044> (дата обращения: 28.06.2021).
- Ткаченко И. Ю. Восточноазиатские саммиты и интересы России // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. 10. С. 32–44.
- Ando Mitsuyo, Urata Shujiro, Yamanouchi Kenta. Do Japan's Free Trade Agreements (FTAs) Increase its International Trade? [Электронный ресурс] : RIETI Discussion Paper Series, The Research Institute of Economy, Trade and Industry, Japan. 2019. October. URL: <https://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/19e090.pdf> (дата обращения: 07.10.2021).
- An Emerging China-Centric Order. China's Vision for a New World Order in Practice // ed. by N. Rolland [Электронный ресурс]. URL: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/sr87_aug2020.pdf (дата обращения: 12.06.2021).
- ASEAN – Russia Trade and Economic Relations: Prospect and Pathways. Economic Research Institute for ASEAN and East Asia (ERIA). 2019. September 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eria.org/publications/asean-russia-trade-and-economic-relations-prospect-and-pathways/> (дата обращения: 28.06.2021).

Borger J., Sabbagh D. US, UK and Australia Forge Military Alliance to Counter China // *The Guardian*. 2021. September 16 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2021/sep/15/australia-nuclear-powered-submarines-us-uk-security-partnership-aukus> (дата обращения: 07.10.2021).

Brzezinski Z. *The Grand Chessboard. American Primacy and its Geostrategic Imperatives*. New York : Basic Books, 1997.

Enkhbayar Shagdar, Nakajima Tomoyoshi. Economic Effects of Free Trade Agreements in Northeast Asia: CGE Analysis with the GTAP 9.0a Data Base // *The Northeast Asian Economic Review*. 2018. Vol. 6. No. 1. July [Электронный ресурс]. URL: https://www.erina.or.jp/en/wp-content/uploads/2018/08/naer61-3_tssc.pdf (дата обращения: 07.10.2021).

Lanteigne M. Russia, China and the Shanghai Cooperation Organization: Diverging Security Interests and the “Crimea Effect” // *Russia's Turn to the East* / ed. by H. Blakkisrud, E. Wilson Rowe. Cham : Springer, 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/322158646_Russia_China_and_the_Shanghai_Cooperation_Organization_Diverging_Security_Interests_and_the_'Crimea_Effect' (дата обращения: 10.06.2021).

Minakir P. Turn to the East: Intentions and Actions [Электронный ресурс] : Northeast Asia International Conference for Economic Development (NICE) in Niigata. 2017. URL: <https://www.erina.or.jp/en/wp-content/uploads/2016/12/A-MINAKIR-e.pdf> (дата обращения: 04.10.2021).

Report of ERIA – RFTA Joint Seminar on ASEAN – Russia Trade and Economic Relations: Prospects and Pathways. Economic Research Institute for ASEAN and East Asia (ERIA). 2017. December 19 [Электронный ресурс]. URL: [ERIA_RFTA_Joint_Seminar_Report_ASEAN-Russia.pdf](https://www.eria.org/ERIA_RFTA_Joint_Seminar_Report_ASEAN-Russia.pdf) (дата обращения: 27.06.2021).

Rudd K. Russia's Role in Asia-Pacific Security Architecture [Электронный ресурс] : *Russia in Global Affairs*. 2016. No. 3. July/September. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/russias-role-in-asia-pacific-security-architecture/> (дата обращения: 01.10.2021).

Rumer E., Sokolsky R., Vladicic A. Russia in the Asia-Pacific: Less Than Meets the Eye [Электронный ресурс] : *Carnegie Endowment for International Peace*. 2020. September 3. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/09/03/russia-in-asia-pacific-less-than-meets-eye-pub-82614> (дата обращения: 02.10.2021).

Shanghai Cooperation Organization (SCO) [Электронный ресурс]. URL: <http://eng.sectsco.org/> (дата обращения: 22.06.2021).

Security Treaty Between the United States, Australia, and New Zealand (ANZUS). 1951. September 1. Yale Law School. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/usmu002.asp (дата обращения: 30.06.2021).

Weber I. Could the US and Chinese Economies Really “Decouple” // *The Guardian*. 2020. September 11 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/sep/11/us-china-global-economy-donald-trump> (дата обращения: 06.10.2021).

References

Bobylo A. M. Rossiya v integratsionnyh processah Aziatsko-Tihookeanskogo regiona: problemy u perspektivy [Russia in Integration Processes of Asia Pacific: Problems and Prospects] // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo unisversiteta. “Politologiya. Religiovedeniye” Series*. 2017. Vol. 20. Pp. 42–50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya->

v-integratsionnyh-protsessah-aziatsko-tihookeanskogo-regiona-problemy-i-perspektivy (accessed: 20.06.2021).

Vneshneekonomicheskaya strategiya Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda [Russia's 2020 Economic Strategy]. The Ministry of Economic Development of the Russian Federation. 01.12.2008. URL: economy.gov.ru (accessed: 15.06.2021).

Golovchenko V. I., Manzhola V. A. Dialogovoe partnerstvo Rossiyskaya Federatsiya – ASEAN: uroki i perspektivy [The Russian Federation – ASEAN Dialogue Partnership: Lessons and Prospects]. Rossiya y ATR [Russia and Asia Pacific]. 2014. 2(84). Pp. 52–63.

Demina Y. V. Ekonomicheskaya integratsiya stran Vostochnoj Azii [Economic integration of East Asian countries] // Vestnik Instituta ekonomiki RAN. 2018. No. 6. Pp. 181–194.

Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii [Foreign Policy Concept of the Russian Federation]. The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (approved by the President of the Russian Federation Vladimir V. Putin on November 30, 2016). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901/ (accessed: 26.06.2021).

Kostyunina G. M. ATEC: institucionalnaya struktura, napravleniya deyatel'nosti i dostizheniya [APEC: Institutional Structure, Areas of Activity and Achievements] // Rossiyskiy vneshneekonomicheskij vestnik. 2012. No. 10. Pp. 33–46.

Lokshin G. M. Politika Rossii y problemy regionalnoj bezopasnosti v YuVA y ATR [Russia's Policy and Regional Security Problems in Southeast Asia and the Asia-Pacific region]. Vitnamskie issledovaniya. 2013. P. 79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-rossii-i-problemy-regionalnoj-bezopasnosti-v-yuva-i-atr> (accessed: 14.06.2021).

Mishchenko Y. V. Vostochnyy vektor enetgeticheskoy politiki Rossii [Eastern Vector of Russia's Energy Policy]. Energeticheskaya politika. 2020a. No. 8. Pp. 42–51.

Mishchenko Y. V. Yaponiya v regionalnoy integratsii: vyzove, zadachi i perspektivy [Japan in Regional Integration: Challenges, Aims and Prospects]. Yaponia. Yearbook. 2020b. Vol. 49. Pp. 157–174.

PMEF-2021: Biznes-gialog EAES – ASEAN. Delovoy forum Rossiya – ASEAN [St. Petersburg International Economic Forum-2021 [The EAEU-ASEAN Business Dialogue. Russia-ASEAN Business Forum]. 2021. April 06. URL: <https://www.russia-asean.com/events/1044>. (accessed: 28.06.2021).

Tkachenko I. U. Vostochnoaziatskiye summity y interesy Rossii [East Asian Summits and Russia's Interests] // Rossiyskiy vneshneekonomicheskij vestnik. 2014. No. 10. Pp. 32–44.

Ando Mitsuyo, Urata Shujiro, Yamanouchi Kenta. Do Japan's Free Trade Agreements (FTAs) Increase its International Trade? // RIETI Discussion Paper Series, The Research Institute of Economy, Trade and Industry, Japan. 2019. October. URL: <https://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/19e090.pdf> (accessed: 07.10.2021).

An Emerging China-Centric Order. China's Vision for a New World Order in Practice / ed. by N. Rolland. URL: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/sr87_aug2020.pdf (accessed: 12.06.2021).

ASEAN – Russia Trade and Economic Relations: Prospect and Pathways. Economic Research Institute for ASEAN and East Asia (ERIA). 2019. October 09. URL: <https://www.eria.org/publications/asean-russia-trade-and-economic-relations-prospect-and-pathways/> (accessed: 28.06.2021).

Borger J., Sabbagh D. US, UK and Australia Forge Military Alliance to Counter China // The Guardian. 2021. September 16. URL: <https://www.theguardian.com/australia->

news/2021/sep/15/australia-nuclear-powered-submarines-us-uk-security-partnership-aucus (accessed: 07.10.2021).

Brzezinski Z. The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York : Basic Books, 1997.

Enkhbayar Shagdar, Nakajima Tomoyoshi. Economic Effects of Free Trade Agreements in Northeast Asia: CGE Analysis with the GTAP 9.0a Data Base // The Northeast Asian Economic Review. 2018. Vol. 6. No. 1. July. URL: https://www.erina.or.jp/en/wp-content/uploads/2018/08/naer61-3_tssc.pdf (accessed: 07.10.2021).

Lanteigne M. Russia, China and the Shanghai Cooperation Organization: Diverging Security Interests and the “Crimea Effect” // Russia's Turn to the East / ed. by H. Blakkisrud, E. Wilson Rowe. Cham : Springer, 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/322158646_Russia_China_and_the_Shanghai_Cooperation_Organization_Diverging_Security_Interests_and_the_'Crimea_Effect' (accessed: 10.06.2021).

Minakir P. Turn to the East: Intentions and Actions // Northeast Asia International Conference for Economic Development (NICE) in Niigata. 2017. URL: <https://www.erina.or.jp/en/wp-content/uploads/2016/12/A-MINAKIR-e.pdf> (accessed: 04.10.2021).

Report of ERIA – RFTA Joint Seminar on ASEAN – Russia Trade and Economic Relations: Prospects and Pathways. Economic Research Institute for ASEAN and East Asia (ERIA). 2017. December 19 [Электронный ресурс]. URL: [ERIA_RFTA_Joint_Seminar_Report_ASEAN-Russia.pdf](https://www.eria.org/ERIA_RFTA_Joint_Seminar_Report_ASEAN-Russia.pdf) (accessed: 27.06.2021).

Rudd K. Russia's Role in Asia-Pacific Security Architecture // Russia in Global Affairs. 2016. No. 3. July/September [Электронный ресурс]. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/russias-role-in-asia-pacific-security-architecture/> (accessed: 01.10.2021).

Rumer E., Sokolsky R., Vladicic A. Russia in the Asia-Pacific: Less Than Meets the Eye // Carnegie Endowment for International Peace. 2020. September 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/09/03/russia-in-asia-pacific-less-than-meets-eye-pub-82614> (accessed: 02.10.2021).

Report of ERIA – RFTA Joint Seminar on ASEAN – Russia Trade and Economic Relations: Prospects and Pathways. Economic Research Institute for ASEAN and East Asia (ERIA), 2017. December 19. URL: [ERIA_RFTA_Joint_Seminar_Report_ASEAN-Russia.pdf](https://www.eria.org/ERIA_RFTA_Joint_Seminar_Report_ASEAN-Russia.pdf) (accessed: 27.06.2021).

Shanghai Cooperation Organization (SCO). URL: <http://eng.sectsco.org/> (accessed: 22.06.2021).

Security Treaty Between the United States, Australia, and New Zealand (ANZUS). 1951. September 1. Yale Law School. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/usmu002.asp (accessed: 30.06.2021).

Weber I. Could the US and Chinese Economies Really “Decouple” // The Guardian. 2020. September 11. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/sep/11/us-china-global-economy-donald-trump> (accessed: 06.10.2021).